

В.Н. Кудряшев

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1860–1880-х гг.

Рассматривается освещение этнополитической ситуации в Польше второй половины XIX в. русской публицистической литературе. Утверждается, что при существенном расхождении русской либеральной публицистики в оценке причин польско-русского противостояния единственным вариантом виделось совместное сосуществование в рамках единого Российского государства. Акцентируется внимание на неприятии русскими либералами политики русификации, проводимой правительством в Польше. Автор отмечает стремление русской либеральной публицистики к поиску компромиссов с поляками как жизненной необходимости для обеспечения совместного прогрессивного развития.

Ключевые слова: польский вопрос; русские либералы; русификация; ассимиляция.

Западные окраины были одним из наиболее экономически развитых регионов Российской империи и отличались этническим и конфессиональным многообразием. Весьма сложной и неоднозначной являлась история присоединения этих земель к России. Политические, национальные и социальные процессы протекали здесь гораздо острее, чем в других частях империи. В Западном и Юго-Западном краях возникли польский, малорусский и еврейский вопросы, составлявшие главное содержание национального вопроса в России вплоть до начала XX в. Именно западные окраины стали местом противостояния русских национальных проектов с наиболее яркими конкурентными национализмами.

Русско-польские отношения были болезненным и постоянно обсуждаемым вопросом в общественной мысли России второй половины XIX в. Тому причиной была, прежде всего, «неуспокоенность» Польши, не смилившейся с утратой государственности и активно сопротивлявшейся русификаторской политике царского правительства. Интенсивность и острота дискуссий по «польскому вопросу» в русской публицистике в значительной мере определялись очередным обострением ситуации в Польше. Польское восстание 1863 г. стало событием, повлиявшим на тематику и тональность работ либеральных авторов. Резкость суждений несколько ослабевает к середине 1870-х гг. Новый всплеск был вызван сообщениями об участии польских добровольцев в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на стороне Турции.

В русской либеральной публицистике заметен широкий диапазон мнений в оценке отношений Польши и России. А.Д. Градовский большую часть вины за национальную катастрофу поляков возлагал на ее правящие слои, неверно оценившие место Польши в европейской цивилизации и избравшие ошибочную внешне- и внутривнутриполитическую стратегию.

Со времен разделов Польши, т.е. с конца XVIII в., польская элита сделала свою страну заложницей интриг великих европейских держав. Позиционируя себя как восточный форпост европейской цивилизации и католицизма, прикрывавший ее от азиатских агрессоров, польская аристократия, не надеясь на силы польского народа, обращала свои взоры прежде всего к Франции, стремясь найти в ней союзницу от русско-немецкой экспансии. Но, утверждал А.Д. Градовский, поляки всегда воспринимались Европой с высокоме-

рием и презрением, распространяемым на весь славянский мир. Польша была интересна европейским политикам только как инструмент давления на Россию. Наполеон I, заигрывая с поляками и обещая восстановить польскую независимость, лишь стремился получить пушечное мясо для войны с Россией. Во время событий 1830 и 1863 гг. Европа (и особенно французы) с охотой поддерживали на словах героическую борьбу поляков с царской деспотией, но дальше публичных акций и дипломатических демаршей дело не шло [1. С. 608–609]. В своей ненависти к России польская аристократия готова была искать союзников в Пруссии, выдвигая план создания польского государства как будущего союзника в борьбе с российским влиянием.

Образование в центре Европы мощного германского государства в 1871 г., по мнению ученого, коренным образом изменило ситуацию. Франция утратила первенство в Европе, и ее влияние резко ослабло. Польские территории, вошедшие вместе с Пруссией в состав Германской империи, получили статус имперских земель, и любые попытки изменить ситуацию могли вызвать мгновенную и самую жесткую реакцию немцев [Там же. С. 609].

Другой опорой польского освободительного движения А.Д. Градовский определял католический клерикализм. Будучи проводником католицизма в славянских землях, Польша еще в конце XVIII – начале XIX в. могла рассчитывать на моральную поддержку Европы, указывая на притеснение католичества со стороны России. Но во второй половине XIX в., в условиях повсеместного провозглашения европейскими правительствами принципа свободы совести, католическая церковь воспринималась как враг прогресса и призывы к ее защите уже не находили отклика [Там же. С. 609–610].

В самой Речи Посполитой насильственное насаждение католической веры встретило упорное сопротивление православного населения, «создало диссидентский вопрос», воспрепятствовало налаживанию сотрудничества поляков и малороссов и в конечном итоге привело к полному разрыву с Малороссией [Там же. С. 610–611]. Таким образом, по мнению русского ученого, стал очевиден идейный кризис польского освободительного движения. Не получив реальной помощи у европейских стран, поляки не видели своего места среди славянских народов. Польская

элита упорно грезил о Речи Посполитой в границах 1772 г., т.е. старой феодальной Польши, с шляхетским всевластием и угнетением других народов [1. С. 603–604]. То есть речь по-прежнему велась не о восстановлении единства польской народности, а о восстановлении государства.

Поэтому русский ученый призывал польскую интеллигенцию «вернуться домой». Он обращался не к той ее части, которая поставила целью своей жизни борьбу с Россией и участвовала в любых войнах на стороне любого врага России, но к той части, которая готова была осознать новые политические реалии. Здесь размышления А.Д. Градовского приобретали отчетливую славянофильскую окраску. Ситуацию, когда польские земли были поделены между тремя империями и будущее Польши определяло противостояние их интересов, он интерпретировал как противостояние германского и славянского миров. Поляки должны были сделать свой выбор и присоединиться к начинающему самостоятельную политическую жизнь славянскому племени или, перейдя на противную сторону, раствориться в германском мире, потеряв свою национальную идентичность [Там же. С. 611].

Альтернативность вариантов А.Д. Градовский обозначал максимально контрастно. Германская империя как национальное немецкое государство проводило жесткую ассимиляционную политику по отношению к славянам. Пребывание поляков как самостоятельного народа в таких условиях было абсолютно бесперспективно.

Обращаясь к польским эмигрантам, А.Д. Градовский старался доказать принципиальное отличие условий пребывания польских земель в составе России. Конфликт между Польшей и Россией носил межгосударственный, а не межнациональный характер. Российское государство, приняв участие в разделе Польши, никогда не стремилось к уничтожению польского народа. Жесткие меры, принятые после подавления восстаний, были направлены на сохранение государственного единства. Русское общество традиционно симпатизировало полякам, и в нем, по крайней мере до 1863 г., были сильны настроения в пользу возврата польской государственности, но, естественно, без малоросских земель. Русский народ всегда отличался национальной и религиозной толерантностью, распространявшейся и на поляков [2. С. 616–617]. Поэтому те, кто действительно заботился о сохранении польской народности, должны были понимать, что достичь этой цели возможно только через союз с Россией и примирение с перспективой длительного пребывания в ее составе. Присоединение к славянскому движению означало отказ от возврата к прошлому, т.е. от претензий на малорусские и литовские земли, и сосредоточение на проблемах польской народности «в тех местах, где она действительно являлась преобладающей» [3. С. 605].

Стоит признать, что А.Д. Градовский осознавал всю сложность примирения поляков и русских и наличие мощного противодействия ему и в русском, и в польском обществе. Более того, он писал о том, что сторонников сотрудничества с Россией среди польской интеллигенции абсолютное меньшинство. По-

этому русское общество должно было сделать шаги навстречу полякам, забыть старые обиды и не допускать оскорблений их национального достоинства [1. С. 611–612].

Заметно контрастировало с его выводами отношение к проблеме Б.Н. Чичерина. Он осуждал раздел Польши, а включение ее в состав России считал завоеванием и порабощением. Не снимая с поляков вины за развал собственного государства, ученый не считал, что это оправдывало завоевателей [4. С. 15–16]. Для России уничтожение славянского государства было в конечном итоге невыгодно и безнравственно. Ученый полагал, что территориальные приобретения не компенсировали моральных и политических потерь России в длительной исторической перспективе. В конце концов от разделов Польши более всего выиграла Пруссия, бывшая их инициатором [Там же. С. 14–15]. Вместе с тем поляки не утрачивали стремления к восстановлению государственности, сохраняя высокий уровень национального самосознания. Поэтому Б.Н. Чичерин скептически относился к планам интеграции Польши в состав России [5. С. 100–101].

Главным просчетом польской политики было предоставление Александром I Польше конституции. Даже подобные уступки со стороны имперской власти не заставили поляков смириться. В условиях же сохранения самодержавной власти на остальной территории империи, это усугубило раскол государства. Одновременно Б.Н. Чичерин укорял поляков за неблагодарность и считал восстания 1830 и 1863 гг. ошибкой, поскольку они изначально были обречены на поражение и только ухудшили положение Польши [Там же. С. 274].

Сразу после восстания Б.Н. Чичерин написал большую статью, где раскрыл свое видение сложившейся ситуации в Польше и возможных мер русского правительства. В ней он считал необходимым установление в Польше диктатуры для наведения порядка как важнейшего условия проведения реформ [6. Л. 8 об.–9, 33 об.]¹.

Однако, вернувшись спустя десятилетия к анализу данного периода русско-польских отношений, он полностью дезавуировал свои предложения. Последовавшая после подавления восстаний политика ужесточения репрессий, писал ученый, не могла привести к успеху, так как у народов с сильным национальным духом подобные меры вызывают возрастающее стремление к сопротивлению. Поэтому уничтожив Царство Польское и включив Польшу в состав империи, власти продолжили цепь трагических ошибок [5. С. 275]. Противостояние усиливалось, но проигрывали обе стороны. Польша страдала от репрессий и насильственной ассимиляции. Ученый резко критиковал русификаторскую политику, проводимую царской администрацией в Польше. Она приняла гораздо более жесткие формы, чем политика германизации в польских областях Германии. Немцы, неукоснительно проводя политику вытеснения польского языка, по крайней мере оставили преподавание польского языка в школах. Россия же полностью русифицировала даже начальное образование [4. С. 22–23]².

Также несправедлива была религиозная политика. Б.Н. Чичерин считал недопустимым вмешательство

властей в вопросы веры. Государство, в его представлении, могло влиять на миссионерскую деятельность церкви различных конфессий, поощряя какую-либо, но не должно нарушать свободы совести [4. С. 33–34]. Рост внешнего деспотизма порождал деспотизм внутренний, т.е. направленный на русский народ. Проводя довольно смелую аналогию с многовековым пребыванием греков в составе Османской империи, Б.Н. Чичерин приходил к выводу о том, что подобные ситуации разрешимы только предоставлением народу независимости [5. С. 275]³.

Подобную позицию в значительной мере разделял К.Д. Кавелин, писавший, что борьба поляков за свободу заслуживала такой же поддержки, как борьба сербов против Турции или итальянцев против Австрии. Владычество России над Польшей ученый называл «бессмысленным и отвратительным». Одновременно он настаивал на преобладании позитивных тенденций во взаимоотношениях двух народов. Несмотря на все сложности и противоречия, происходило их взаимообогащение – «взаимным трением друг об друга мы лечимся от дикости». Поэтому герценовская идея о «сближении в ненависти к правительству не есть ни самая прочная, ни самая глубокая сторона этого многозначительного явления» [7. С. 79]. Прочным могло быть сближение, основанное на усилении взаимовлияния, на «перерождении, от сознания единства перед глубоким, коренным различием с европейским синтезом» [Там же].

Но при всей критичности оценки пребывания Польши в составе России либералы не видели ему реальных альтернатив и выступали против каких-либо радикальных мер. К.Д. Кавелин сомневался в возможности обретения Польшей независимости насильственным путем. Из текста его письма неочевидно неверие в способность поляков победить Россию, он, скорее, не видел выгоды для них от этой победы. Как ни странно, либерал в подтверждение своей мысли указывал на «славянский вопрос», «который стоит несравненно важнее, чем польский вопрос», т.е. славянская солидарность должна была перевесить ненависть между поляками и русскими⁴. Он даже обращался к фантастической ситуации, когда Российское правительство вдруг вернет Польше независимость и удовлетворит все ее территориальные претензии. Но это не отдалило бы Польшу, а наоборот, «поляков бы опять потянуло сильно к нам» [Там же. С. 78].

Б.Н. Чичерин категорически отвергал идею решения польского вопроса посредством предоставления ей конституции и места в общерусском народном представительстве. Народное представительство, писал он, эффективно, когда правительство может опереться на большинство населения. Но в Польше, где в общественной жизни по-прежнему доминировала враждебная ко всему русскому аристократия, это приведет к усилению противников России, которые превратят представительный орган в центр сопротивления [6. Л. 13–15]. Кроме того, введение конституционализма в Польше и невведение его в России было бы невозможно, а Россия, по его мнению, еще не была готова к конституции, так как реформы Александра II существенно изменили общественный порядок и тре-

бовалось значительное время на его адаптацию, прежде чем делать новые столь радикальные шаги [6. Л. 27–29]. Первыми шагами должны были стать уравнивание поляков в правах с русскими, распространение на польские земли земского самоуправления, прекращение русификаторской политики и языковых ограничений [4. С. 37].

Особую позицию в данном вопросе занимал В.С. Соловьев. Польско-русские отношения, по его мнению, были заложниками извечного противостояния Востока и Запада. Показывая их историческую ретроспективу, философ старался опровергнуть мнение о только негативном влиянии России на судьбу Польши. Он указывал, что кроме участия России в несправедливом разделе польского государства было и стремление предотвратить исчезновение польской национальности. По крайней мере именно таким образом интерпретировалось создание Царства Польского в составе Российской империи в 1815 г. Отрицая какие-либо корыстные побуждения в действиях Александра I, русский философ видел в них исключительное желание предотвратить онемечивание поляков, вырвав из-под немецкого влияния часть их земель. В результате они были опорой польской этничности, помогая сопротивлению ассимиляции поляков, живших в составе немецких государств [1. С. 17–18].

Российской власти удалось решить сложнейший вопрос, который не смогла решить польская элита в период суверенности – социальный конфликт между панством и холопством. По мнению В.С. Соловьева, последнему были предоставлены гражданские и экономические свободы, что предотвратило раскол общества и обеспечило его развитие не в «панской» или «хлопской», но в социально единой Польше. Не идеализируя русскую политику в Польше, публицист, отправляя к мнению «даже иностранных писателей», констатировал здесь «такое социально-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством» [Там же. С. 18]. Главным результатом пребывания Польши в составе Российской империи было сохранение ее «исторического тела».

Но поляки, уверен философ, предпочли бы немецкую ассимиляцию примирению с Россией. Он видел в этом проявление не межрелигиозных или межнациональных, а межцивилизационных противоречий. Поляки духовно принадлежали Западу, а поскольку «дух сильнее крови», их славянское происхождение не помогло преодолеть духовные различия с русскими⁵. Отношения Польши и России, таким образом, были частью более глобальной проблемы отношений России и Европы, и алгоритм их налаживания В.С. Соловьев представлял совпадающим.

Только через действительное и внутреннее примирение с Западом, через «свободное соглашение с его духовными началами» Россия обретет новые перспективы⁶. Точно так же и примирение с Польшей возможно исключительно на основе поиска духовного согласия, поскольку политический компромисс русский философ считал недостижимым. Даже абстрагируясь от готовности России предоставить Польше независимость, В.С. Соловьев указывал на фанта-

стичность планов польской элиты по воссозданию Речи Посполитой. Кроме того, обретение Польшей независимости не устраняло германской угрозы, жертвой которой она пала бы неизбежно. Благом для Польши и для России он видел отречение от взаимной неприязни и духовное сближение на основе христианского универсализма [1. С. 19–21].

В.С. Соловьев писал о безусловном сочувствии идее «самой полной» автономии Польши, реализация которой была бы выгодна и самой России. Он постоянно и весьма резко выступал против русификации Польши, называя ее «убийством братского народа» [9. С. 238].

Но государственную независимость В.С. Соловьев считал вовсе не обязательной для сохранения и развития национальности [10. С. 271]. Более того, пример Польши показал, что народ, лишенный собственной национальной государственности, вполне способен выжить, и в нем В.С. Соловьев увидел развенчание принципа «национального эгоизма», т.е. безусловного требования своего государства для каждой национальности. Будущее единение человечества предполагало и иные политические формы единства. Поэтому философ откровенно заявлял о бесперспективности самостоятельных (т.е. национальных) государств, смело утверждая, что для их ликвидации в Европе хватило бы одной войны. Впрочем, политическая сторона национального вопроса, по его словам, В.С. Соловьева не интересовала, так как центр тяжести будущих перемен он связывал с этическими аспектами. Поляки, давно потеряв «ложное единство обособленного и эгоистического национального существования», стали прообразом существования наций в условиях будущего всеединства [Там же. С. 272].

Поиск путей сближения русских и поляков был доминирующей темой либеральной публицистики. Сложность и неоднозначность русско-польских отношений порождала различные подходы к ее решению, проявлявшиеся даже в рамках одного издания.

Подход публициста «Вестника Европы» А.Н. Пыпина к польской проблеме основывался на необходимости признания поляков как состоявшейся народности, чья ассимиляция нереализуема. Если же в одном политическом образовании развивается несколько уже сложившихся национальностей, замечал Пыпин, их сближение возможно только «на почве соединяющего их просвещения равноправности и свободы» иначе неизбежны конфликты [11. С. 357–387]. Поэтому только отказ от обрусения станет основой для прекращения враждебных отношений Польши и России [12. С. 345].

А.Н. Пыпин был одним из наиболее последовательных критиков русификаторской политики, всегда решительно выступавшим в защиту польского языка, литературы, культуры. Но основной угрозой польской этничности он считал германизацию поляков, проживавших в Германии и Австрии. И дело было не в славянской солидарности, влиявшей на царское правительство, но в гораздо большей эффективности ассимиляционной политики, проводимой немецкими государствами [13. С. 708–709].

Дискутируя с позицией Ю.Ф. Самарина, ратовавшего за реанимацию земских соборов или иного «рус-

ского представительства», но не видевшего пользы от участия в них поляков, А.Н. Пыпин отмечал полезность любых форм привлечения поляков к обсуждению насущных вопросов. Понятно, что речь велась о гипотетической ситуации, но для либерала было важным делать шаги в сторону включенности Польши в общероссийские процессы. Для него печальнее всего отсутствие или крайняя ограниченность общественных институтов, где российская и польская общественность могла хотя бы обмениваться мнениями⁷. В том числе и поэтому, считал либерал, спустя два столетия нахождения Польши в составе России русская и польская общественность находились в состоянии открытой враждебности. А.Н. Пыпин соглашался с Ю.Ф. Самариним, что «польский вопрос не уменьшается в области политики» и примирение Польши и России должно происходить во всех областях жизни общества [13. С. 705–706; 14. С. 325–340]⁸.

Иную позицию демонстрировал сотрудник этого же журнала Л.А. Полонский, считавший жесткую политику по отношению к Польше оправданной и целесообразной. Он напоминал о предоставлении Александром I политических привилегий Царству Польскому, которых не имели даже собственно русские губернии. Но бескомпромиссность польской шляхты, не видевшей иной цели, кроме восстановления Речи Посполитой, заставила русское правительство свернуть автономию Польши: «События 1831 года уничтожили прежние обязательства» [15. С. 393]. Уже сточение политики по отношению к Польше не отрезвило ее элиту, вновь выступившую против российского господства. Публицист выражал удовлетворение подавлением Польского восстания 1863 г., представляя его как выступление преимущественно польского дворянства. Поэтому главным средством успокоения Польши ему виделась изоляция традиционно сепаратистски настроенной польской шляхты от крестьянства, преимущественно «русского». Публицист приветствовал распространение аграрной реформы на Польшу, считая, что формирование зажиточного крестьянства приведет к созданию «среднего класса», который неизбежно станет противником любых потрясений и, следовательно, союзником русских властей⁹. Пока же роль среднего класса выполняли евреи, проявившие себя во время восстания как лояльные подданные и союзники русских властей. Тем не менее публицист настаивал на необходимости увеличения прослойки «местного русского зажиточного крестьянства» за счет предоставления различных льгот. Это не означало необходимости каких-либо притеснений или ограничений для евреев. Более того, Л.А. Полонский предлагал распространение на евреев прав других российских подданных и снятие ограничений на расселение. Все меры должны исключать принуждение и основываться только на материальном стимулировании нужных процессов [15. С. 397]. Он подчеркивал необходимость интенсификации экономического развития Польши, строительства железных дорог, которые привяжут Польшу к России крепче любых запретительных мер [Там же. С. 393–394].

Но одновременно публицист считал вполне адекватными действия русской администрации, последо-

ности» в системе управления, суда. Абсолютная унификация системы государственного управления виделась ему лучшим средством искоренения сепаратизма: «Чем скорее будет снято с западного края исключительное его положение, тем скорее он будет поставлен в положение нормальное». Это, по мнению Л.А. Полонского, не противоречило необходимости ускорить реформу местного самоуправления, создания земских учреждений. Журналист был против ограничений национального языка, считая, что подобные меры не будут «действенными и примирительными» [15. С. 394].

В статьях Л.А. Полонского 1868 г. еще заметно раздражение к полякам, не желавшим смириться с включением в состав Российского государства. Данные настроения можно признать следствием еще свежих эмоциональных переживаний по поводу восстания 1863 г. В них акцент делался на принудительные действия русского правительства по искоренению польской автономности без ожидания позитивной реакции польского общества. В статьях 1877 г. настроения публициста заметно меняются. Он обращал внимание на подъем позитивных чувств в русском обществе в связи с поддержкой южнославянского освободительного движения и надеялся, что это отразится на сдвиге отношения к полякам в сторону большего понимания и стремления к диалогу. Одновременно он наблюдал обнадеживавшие тенденции в польской прессе, сменившей откровенную враждебность ко всему русскому, на более взвешенные оценки [16. С. 362]¹⁰. Л.А. Полонский призывал русскую общественность не торопиться с ожиданиями и не требовать от поляков немедленного отказа от былых заблуждений. Примером подобной позиции он представил выступление Н.И. Костомарова в «Петербургских новостях», где присутствовали и традиционные обвинения в предательстве поляками общеславянского дела, обращение к истории, где поляки выступали врагами России и угнетателями малороссов. Н.И. Костомаров настаивал не только на осознании поляками ошибок в прошлом, но и на деятельном избавлении от них путем безоговорочного присоединения к общеславянской освободительной борьбе. Обращаясь к Н.И. Костомарову, публицист призывал отказаться от ожидания, что ненависть со стороны поляков вдруг сменится любовью, и оценивать перспективы межнациональных отношений с позиции политического прагматизма. Возвращаясь к своей мысли о несовпадении этнической и государственной идентичности, он считал, что правильнее требовать от поляков «солидарности с русским государством», т.е. превращения их в «добрых русских граждан» и «...чтобы политический патриотизм их был в России» [Там же. С. 367–368]¹¹. При этом поляки могли сохранять предпочтение своим национальным особенностям и даже традиционное высокомерие к русской культуре и обычаям [Там же. С. 367].

Л.А. Полонский не разделял убеждения своего оппонента в невозможности примирения русских и поляков в современных условиях, отсылавшего решение

уверен в наличии у России достаточного потенциала для русификации Польши и полагал, что в соответствии с существующей тенденцией следует ожидать дальнейшей консолидации польского общества, при том что ее средний класс будут составлять польские крестьяне, солидарные скорее с польской элитой, нежели с русскими властями [16. С. 365]¹². Надежда на выветривание «шляхетского духа» в польской элите также не казалась ему обоснованной. Тем более опыт прошлых восстаний показывал, что они опирались отнюдь не только на аристократию, а в восстании 1863 г горожане и ремесленники были едва ли не самой активной группой [Там же. С. 374]¹³.

Поэтому примирение польского и русского обществ необходимо начинать уже сейчас. И, возможно, оно будет только на основе компромисса между ними. Россия должна признать неудачу и бесперспективность планов русификации Польши, а русское общество должно постепенно, но неуклонно изживать полонофобию, замешанную на вечной враждебности и подозрительности к полякам. Но и поляки должны не только отказаться от борьбы за независимость, но и смириться с утратой автономии времен Царства Польского. Они должны понять, что традиционная ставка на помощь Европы в обретении независимости от России, не принеся полякам ничего, кроме разочарования, в условиях утраты Францией (которая, чаще всего морально, но поддерживала надежды Польши) былого веса в Европейских делах делает единственно возможным решение польской проблемы как внутренней российской [Там же. С. 376]¹⁴. Л.А. Полонский напоминал полякам, что после образования Германской империи Россия оставалась единственным препятствием на пути полной германизации поляков. Поэтому они четко должны были представлять альтернативой русскому подданству немецкое господство. Если настоящее положение гарантировало сохранение польской национальности, то в последнем варианте утрата ее будет неизбежна [17. С. 376–377]¹⁵.

Отношение к борьбе поляков за восстановление государственности у представителей либерального крыла русской общественной мысли было различным, но не предполагавшим возможности создания независимого польского государства в обозримом будущем. При существенном расхождении в оценке причин польско-русского противостояния единственным вариантом виделось совместное сосуществование в рамках единого Российского государства.

Политика русификации, проводимая правительством в Польше, вызывала дружную критику в либеральной публицистике, в то же время часть вины за жесткие административные меры перекладывалась на сепаратистски настроенную польскую элиту. Русские либералы считали бессмысленной попытку преодоления сформировавшейся польской национальной идентичности и предлагали сосредоточиться на преодолении полонофобии в русском обществе и русофобии в польском. Поиск компромиссов был жизненно необходим для обеспечения совместного прогрессивного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Предложения Б.Н. Чичерина практически совпадали с идеями И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина того же периода: введение жесткой административной системы, подавление аристократии и создание социальной опоры в среде польского крестьянства путем проведения аграрной реформы и развития крестьянского самоуправления. [6. Л. 8 об.–9, 33 об.].
- ² Ученый неоднократно обращался к сравнению ситуации в польских районах Австрии, Германии и России. И каждый раз сравнение было не в пользу России. Германия проводила политику онемечивания более осторожно и методично. Кроме того, более высокий уровень экономического развития и уровень жизни населения в Германии делали пребывание поляков в ее составе более комфортным чем в России. Тем более проигрывала Россия в сравнении с Австрией. Особенно Чичерину импонировало введение парламентаризма, позволившего славянам принимать деятельное участие в государственной политике. Это не решало всех национальных проблем Австрии, в частности немецкие националисты не смирились с присутствием славян в парламенте. но давало шанс на то, что межнациональные споры будут разрешаться в парламенте легитимными способами, а не на баррикадах революционными [4. С. 26–27].
- ³ Но это нельзя трактовать как призыв предоставить Польше независимость [5. С. 275].
- ⁴ Между тем К.Д. Кавелин являлся одним из наиболее последовательных критиков славянофильства.
- ⁵ То есть линия культурного разлома проходила не на западе, а на востоке Польши. Данная мысль совпадала с господствовавшим в славянофильской среде убеждением о поляках как «агентах» католической Европы в славянском мире. Но у В.С. Соловьева данное положение носило характер констатации, а не обвинения.
- ⁶ В этой связи философ предлагал по-новому взглянуть на опыт поляков, которые будучи славянским народом, смогли проникнуться духом Запада [1. С. 19–21].
- ⁷ Публицист имел в виду не только представительные органы, но и наличие свободной от государственной опеки прессы. Особенно это относилось к Польше, где свобода печати была еще меньшей, чем даже в далекой от идеала России [13. С. 705].
- ⁸ Ю.Ф. Самарин называл данный процесс «возрождением Польши», но А.Н. Пыпин полагал, что в равной степени его можно будет считать и возрождением России [13. С. 705–706; 14. С. 325–340].
- ⁹ Под русскими крестьянами публицист понимал великорусских, малорусских и литовских (белорусских) крестьян. Он предлагал также переселять крестьян из великорусских губерний, но с целью изменения не этнического, а социального состава землевладельцев [15. С. 393].
- ¹⁰ Публицист понимал, что с обеих сторон еще сильны позиции радикалов. Это касалось и польской эмиграции, и русских консерваторов [16. С. 362].
- ¹¹ Что же касается вклада поляков в общеславянскую борьбу, то Полонскому, воспринимавшему ее прежде всего как элемент внешней политики России, было достаточно, что поляки примут участие в войне с Турцией в качестве солдат и офицеров русской армии [16. С. 367–368].
- ¹² Здесь Л.А. Полонский признавал неудачу плана создания среднего класса из переселенных великорусских крестьян, на который он возлагал надежды в своей статье 1868 г. Он указывал, что причиной неудачи было отсутствие зажиточного русского крестьянства, в отличие от Германии, активно проводящей колонизацию Познани за счет многочисленного зажиточного немецкого крестьянства [16. С. 365].
- ¹³ Л.А. Полонский отказался от господствовавшего тезиса о том, что польские восстания носили преимущественно аристократический характер, которое ранее разделял и он сам. [16. № 9. С. 374].
- ¹⁴ Л.А. Полонский напоминал полякам, что после образования Германской империи Россия оставалась единственным препятствием на пути полной германизации поляков. Поэтому они четко должны представлять альтернативой русскому подданству немецкое господство [16. С. 376].
- ¹⁵ В свете рассуждений самого публициста непонятно, можно ли считать сохранность польской этничности результатом политики русских властей или, наоборот, ее несостоятельностью [17. С. 376–377].

ЛИТЕРАТУРА

1. Градовский А.Д. По поводу польского легиона в Турции // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 606–612.
2. Градовский А.Д. Польский вопрос (ответ на письмо эмигранта) // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 613–618.
3. Градовский А.Д. Письмо к И.С. П. (по поводу польского вопроса) // Собрание сочинений : в 9 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 603–605.
4. Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопрос. Берлин : Изд. Г. Штейниц, 1899. 68 с.
5. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М. : Тип. Кушнерев и К, 1897. Ч. 3. 558 с.
6. Чичерин Б.Н. Крестьянское дело в Польше // ОР РГБ Ф. 334. К. 20. Д. 10.
7. Кавелин К.Д. Письмо А.И. Герцену 1 июня 1862 г. // Письма К.Д. Кавелина и И.С.Тургенева к А.И. Герцену. Женева : Украинская тип., 1892. С. 77–80.
8. Соловьев В.С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России / Соловьев В.С. Собрание сочинений : в 8 т. СПб. : Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 7–23.
9. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. С. 219–246.
10. Соловьев В.С. Письмо в редакцию «Przegląd Polski» // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. С. 267–282.
11. Пыпин А.Н. Еще несколько слов по Южно-Славянскому вопросу // Вестник Европы. 1877. № 3. С. 357–387.
12. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 9. С. 312–353.
13. Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 2. С. 703–736. 463.
14. Самарин Ю.Ф. Современный объем Польского вопроса // Самарин Ю.Ф. Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонова, 1877. Т. 1. С. 325–350.
15. Внутренняя хроника // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 380–400.
16. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 359–382.
17. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1877. № 11. С. 358–381.

Статья представлена научной редакции «История» 23 февраля 2018 г.

THE POLISH QUESTION IN RUSSIAN LIBERAL JOURNALISM OF THE 1860S–1880S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 97–103.

DOI: 10.17223/15617793/431/13

Viacheslav N. Kudriashev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: Polish question; Russian liberals; Russification; assimilation.

The article examines the Russian-Polish relations, which were a painful and constantly discussed issue in the social thought of Russia in the second half of the 19th century. The reason for it, above all, was the “restlessness” of Poland, which did not resign itself to the loss of statehood and actively resisted the Russification policy of the tsarist government. The author notes the connection of the

intensity and severity of discussions on the Polish question in Russian journalism with the aggravation of the situation in Poland. Thus, the Polish Uprising in 1863 was an event that affected the theme and tonality of the works of liberal authors. The sharpness of the judgments slightly weakened by the mid-1870s. A new surge was caused by reports of the participation of Polish volunteers in the Russian-Turkish War of 1877–1878 on the side of Turkey. The author focuses on a wide range of opinions in Russian liberal journalism in assessing relations between Poland and Russia. Gradovsky assigned most of the blame for the national catastrophe of the Poles to its ruling strata that wrongly assessed the place of Poland in the European civilization and chose an erroneous external and internal political strategy. Chicherin's attitude to the problem significantly contrasted with his conclusions. Chicherin condemned the partition of Poland, and considered its inclusion in Russia as conquest and enslavement. While not blaming the Poles for the collapse of their own state, the researcher did not think that this justified the conquerors. For Russia, the destruction of the Slavic state was, ultimately, unprofitable and immoral. Chicherin considered the interference of the authorities in the matters of faith inadmissible. The state, in his opinion, could influence the missionary activity of the churches of various faiths, encouraging one of them, but it should not violate the freedom of conscience. The author points to a special position in this issue of Soloviev. Soloviev wrote about an unconditional sympathy for the idea of the "most complete" Polish autonomy, the implementation of which would be beneficial to Russia. He constantly and quite sharply opposed the Russification of Poland, calling it the "murder of a fraternal people". The attitude towards the struggle of the Poles for the restoration of statehood among the representatives of the liberal wing of the Russian public thought was different, but it did not presuppose the possibility of creating an independent Polish state in the foreseeable future. With a significant discrepancy in assessing the reasons for the Polish-Russian confrontation, the only option was a joint coexistence within the framework of a single Russian state. The author comes to a conclusion that the policy of Russification carried out by the government in Poland provoked amicable criticism in liberal journalism, while at the same time part of the blame for the harsh administrative measures was shifted to the separatist-minded Polish elite. Russian liberals considered it senseless to attempt to overcome the formed Polish national identity and proposed to focus on overcoming the Polonophobia in Russian society and Russophobia in Polish. The search for compromises was vital to ensure joint progressive development.

REFERENCES

1. Gradovskiy, A.D. (1901) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. pp. 606–612.
2. Gradovskiy, A.D. (1901) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. pp. 613–618.
3. Gradovskiy, A.D. (1901) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha. pp. 603–605.
4. Chicherin, B.N. (1899) *Pol'skiy i evreyskiy vopros* [The Polish and Jewish question]. Berlin: Izd. G. Shteynits.
5. Chicherin, B.N. (1897) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The course of state science]. Pt. 3. Moscow: Tip. Kushnerev i K.
6. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 334. Box 20. File 10. Chicherin, B.N. *Krest'yanskoe delo v Pol'she* [Peasants' case in Poland].
7. Kavelin, K.D. (1892) *Pis'ma K.D. Kavelina i I.S. Turgeneva k A.I. Gertsenu* [Letters from K.D. Kavelin and I.S. Turgenev to A.I. Herzen]. Geneva: Ukrainskaya tip. pp. 77–80.
8. Solov'ev, V.S. (1914) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie. pp. 7–23.
9. Solov'ev, V.S. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda. pp. 219–246.
10. Solov'ev, V.S. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda. pp. 267–282.
11. Pypin, A.N. (1877) *Eshche neskol'ko slov po Yuzhno-Slavyanskomu voprosu* [A few words on the South Slavic question]. *Vestnik Evropy*. 3. pp. 357–387.
12. Pypin, A.N. (1878) *Panslavizm v proshlom i nastoyashchem* [Pan-Slavism in the past and the present]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 312–353.
13. Pypin, A.N. (1880) *Pol'skiy vopros v russkoy literature* [The Polish question in Russian literature]. *Vestnik Evropy*. 2. pp. 703–736.
14. Samarin, Yu.F. (1877) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Tip. A.I. Mamontova. pp. 325–350.
15. *Vestnik Evropy*. (1868) *Vnutrennyaya khronika* [Internal chronicle]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 380–400.
16. *Vestnik Evropy*. (1877) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 359–382.
17. *Vestnik Evropy*. (1877) *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Vestnik Evropy*. 11. pp. 358–381.

Received: 23 February 2018